

УДК 903.02(571.53)

Сетчатая керамика аплинского типа

И. М. Бердников

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

Иркутский государственный университет

Д. Н. Лохов

Иркутский государственный университет

Аннотация. Рассмотрены вопросы типологии сетчатой керамики юга Средней Сибири, обсуждается проблема идентификации китойских сосудов. Из общего массива керамики с оттисками сетки-плетенки предложено выделить аплинский тип. Приводится характеристика и анализ четырех аплинских сосудов из раскопок местонахождений им. Генералова (р. Чуна) и Отико I (р. Ангара). Охарактеризованные сосуды объединяет не только сходство по ряду морфологических аспектов, но и признаки единого способа формовки. Ареал аплинской керамики пока ограничивается районом Северного Приангарья. Учитывая ее сходство с сетчатой ранненеолитической и устьбельской керамикой, можно говорить о сложении самостоятельного типа на основе синтеза технологических и декоративных традиций местного населения и инокультурных групп. Хронометрические рамки данного типа предварительно намечены в интервале 5(5,5)–4 тыс. л. н.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, Северное Приангарье, неолит, сетчатая керамика, аплинский тип, техника формовки, техника декорирования.

К проблеме типологии и культурной идентификации сетчатой керамики юга Средней Сибири (вместо введения)

Сетчатая керамика (сосуды с оттисками плетеной сетки) в контексте древнего гончарства Евразии – явление особого ряда. Технологический прием обработки поверхности сосудов с использованием сетки возник на юге Средней Сибири в период 8–7 тыс. л. н.^{*}, и вследствие отсутствия на соседних территориях более ранних аналогов есть основания говорить о его автохтонном характере. В позднем неолите он широко распространился по всей территории Среднесибирской страны. На основании наличия единого признака – специфического технического декора – сетчатая керамика региона, несмотря на морфологические вариации, была объединена в «сетчатый пласт» [Савельев, 1989, с. 22]. По материалам раскопок ряда местонахождений (Горелый Лес, Усть-Хайта, Саган-Заба II) зафиксировано ее совместное залегание со шнуровой хайтинской керамикой [Савельев, Горюнова, Генера-

^{*} Здесь и далее по тексту – данные радиоуглеродной хронометрии без калибровки.

лов, 1974; Многослойный геоархеологический объект..., 2001; Ранний неолит Приольхонья..., 2012].

В ранненеолитическом массиве сетчатой керамики юга Средней Сибири выделяется как минимум два типа [Бердников, 2013, с. 207]. К первому относятся овалоидные и параболоидные сосуды простой закрытой или открытой формы, декорированные преимущественно ямочными вдавлениями в приустьевой части, гладкими наколами или гребенчатым штампом по срезу венчика. Ко второму – сосуды закрытой формы с профилировкой в верхней части, округлым или приостренным дном, венчиками прямой формы, декорированными наколами. Встречаются сосуды как без орнамента, так и с отверстиями в привенчиковой зоне, орнаментированные прочерченными линиями и редкими наколами – ямками, гребенчатым и гладким штампом, отступающей лопаткой.

Проблемным аспектом остается корреляция керамических материалов из погребальных и стояночных комплексов. В частности, не решен вопрос идентификации китайской керамики. Н. Н. Бортвин в свое время высказался в пользу принадлежности сосудов с рябчатым (сетчатым) орнаментом из окрестностей Иркутска к китайской культуре [Бортвин, 1915, с. 182]. Данное утверждение было основано на их сходстве с образцом из захоронения Китайского могильника [Витковский, 1882, табл. 1, *рис. 1*]. В дальнейшем, вследствие крайне незначительного числа находок сосудов в погребениях, гипотеза об исключительной принадлежности сетчатой керамики к китайским комплексам не получила развития. Напротив, с китайской культурой, которая до получения серии ¹⁴C-дат считалась поздненеолитической, в разное время связывалась керамика нескольких типов с отступающей лопаткой [Окладников, 1950, с. 386–387], с налепными валиками (посольского типа) [Хлобыстин, 1964, с. 7, 12–13; Хлобыстин, 1978, с. 96]. Версия Н. Н. Бортвина в расширенном варианте, подкрепленная новыми фактами, была заново осмыслена лишь много десятилетий спустя. Г. М. Георгиевская, размышляя о проблемах характеристики керамического производства китайцев, пришла к выводу, что нижний слой Улан-Хады с сетчатыми сосудами, датируемый ранее позднесеровским временем, следует отнести к раннему периоду китайского комплекса [Георгиевская, 1989, с. 118]. На настоящий момент известно всего пять экземпляров с оттисками сетки, происходящих из захоронений Китайского могильника, Локомотива и Шаманки II, которые обнаруживают некоторые морфологические отличия [Бердников, 2013, с. 209]. Еще один круглодонный сетчатый сосуд обнаружен в кладке погребения из могильника Шаманский мыс (о. Ольхон) [Конопацкий, 1982, с. 43].

Версий о происхождении сетчатых отпечатков было несколько. Считалось, что они являются свидетельством формовки сосуда в плетеной основе (корзине), которая потом сгорала [Петри, 1916, с. 128; Петри, 1926, с. 15], внутри земляной ямки или твердой основы с прокладкой из эластичной сетки [Окладников, 1950, с. 170–171], в сетчатых мешках [Хлобыстин, 1964, с. 12]. По мнению Н. Н. Бортвина, своеобразный декор получался «как бы от обертывания сосуда какой-либо плетенкой или грубой тканью» [Бортвин, 1915,

с. 180]. В исследованиях последних 30 лет, несмотря на значительно увеличившуюся источниковую базу, новых версий не появилось, да и старые не получили развития. Со своей стороны отметим, что в процессе упомянутых нами способов довольно сложно получить аккуратные, нередко довольно крупные сосуды с тонким (до 0,3 см), плотным черепком и преимущественно ровной внутренней поверхностью. По нашим наблюдениям, при формовке сетчатой керамики использовался способ выбивки стенок колотушкой через плетеную сетку, хотя данная гипотеза, разумеется, дополнительно требует экспериментального обоснования. Вследствие фрагментарности материала и редкости находок археологически целых сосудов невозможно определить процент использования шаблона (формы основы) при выбивке. Но тот факт, что в ряде случаев он использовался, не вызывает особых сомнений. Еще А. П. Окладников в свое время обратил внимание на следы, фиксирующиеся на внутренней поверхности днища одного из исаковских сосудов, которые являются «как бы позитивами той же сетки» [Окладников, 1950, с. 168], т. е., по всей видимости, негативами сетчатой керамики. В данном случае можно говорить об использовании готового сосуда в качестве шаблона. Внутри некоторых сосудов фиксируются негативы самой сетки-плетенки. Такие следы обнаружены на внутренней поверхности одного из образцов, найденного в погребении № 1 из Собачьего Лога [Окладников, 1975, с. 25] и внутри серовских сосудов Северного Приангарья [Герман, Леонтьев, 2012, с. 82]. Этот факт, в свою очередь, указывает либо на использование сетки в качестве прокладки между изготавливаемым сосудом и болванкой, либо на формовку сосуда на сетчатой основе. Что касается второго варианта, то версия об изготовлении прибайкальской (серовской) керамики была озвучена еще И. Г. Глушковым, который считал, что характерная форма с диаметром ниже середины сосуда получается только в процессе формовки на удерживаемом на весу мягком шаблоне – мешочке с сыпучим материалом (например, песком) [Глушков, 1996, с. 50–51]. Иная техника отмечена в процессе экспериментального моделирования формовки сетчатой керамики сылахской культуры в Якутии (6–5 тыс. л. н.) [Воробьев, 2003]. В данном случае, по мнению автора исследования, сосуды выбивались при помощи колотушки, обмотанной плетеной сеткой.

Несмотря на отмечаемое многими исследователями разнообразие в морфологии и технике декорирования сетчатой керамики, долгое время не удавалось выделить из общего массива конкретные типы. Единственным объединяющим критерием было наличие оттисков плетеной сетки на внешней поверхности типологически разных ранне- и поздненеолитических сосудов.

В поздненеолитической сетчатой керамике до недавнего времени выделялся лишь исаковский тип, связанный с одноименной погребальной культурой. Он характеризуется открытыми сосудами параболоидной формы с округлым или приостренным дном и отчетливыми оттисками ячеистой сетки по всей поверхности, включая в ряде случаев прямой срез венчика, без орнамента или декорированного отдельно поставленными простыми наколами [Бердников, 2013, с. 209, рис. 1, 2]. Результаты раскопок последних лет в Северном

Приангарье позволили нам выделить еще один тип сетчатой керамики, который предложено назвать аплинским по эпонимному местонахождению (Аплинский порог), где собрана наиболее представительная коллекция. Цель настоящего исследования – визуально-диагностический анализ, выявление технологических и декоративных особенностей аплинской керамики. В качестве эталонных образцов отобраны сосуды из материалов раскопок местонахождений им. Генералова (р. Чуна) и Отико I (р. Ангара).

Аплинская керамика из раскопок местонахождений им. Генералова и Отико I

Раскопки на стоянке им. Генералова проведены силами археологического подразделения Иркутского государственного университета в 2013 г. Объект расположен на правом берегу р. Чуны в Иркутской области близ границы с Красноярским краем (рис. 1). Ближайший населенный пункт, расположенный в 7 км восточнее, – пос. Октябрьский (Богучанский р-н Красноярского края).

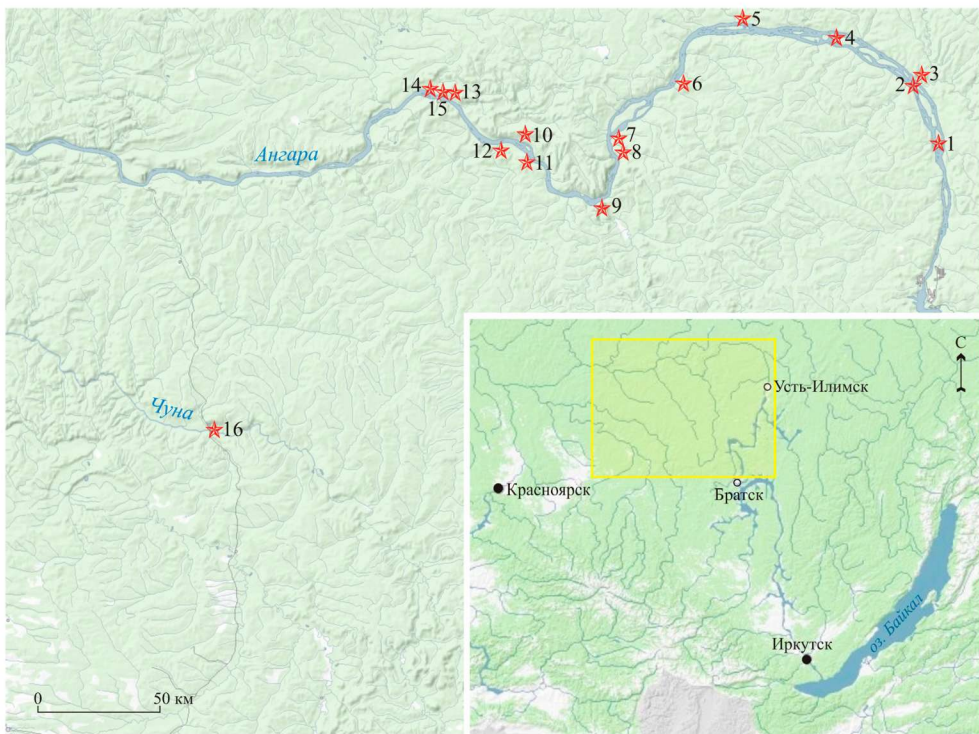

Рис. 1. Фрагмент карты Северного Приангарья с указанием расположения археологических объектов с керамикой аплинского типа:
 1 – Отико I; 2 – Сосновый Мыс; 3 – Усть-Ката II; 4 – Сергушкин 3; 5 – Чирида;
 6 – Гора Кутарей; 7 – Окуневка; 8 – Аплинский Порог; 9 – Усть-Кова; 10 – Осиновка;
 11 – Рожково; 12 – Пашина; 13 – Проспихинская Шивера IV; 14 – Усть-Кода;
 15 – Кода I; 16 – им. Генералова

Керамика с оттисками плетеной сетки в большом количестве зафиксирована во 2-м и 3-м уровнях находок, которые в соответствии со стратиграфической позицией относятся к атлантической стадии голоцена. Преимущественно это бедно орнаментированные сосуды простой формы с прочерченной линией или пояском округлых ямок в приустьевой части. Венчики прямой формы, без декора. Аналоги данной керамике можно найти во многих ранне-неолитических комплексах юга Средней Сибири. Во 2-м уровне находок раскопа № 2 обнаружено два фрагментированных сосуда, отнесенных нами к аплинскому типу (всего – 164 фрагмента).

Первый сосуд – овалоидный, простой закрытой формы (рис. 2, 1). Высота его составляет приблизительно 17 см, диаметр – 18–20 см. Черепок плотный, тонкий, с незначительным содержанием дресвы и мелкозернистого песка, серо-коричневого цвета на поверхности и темного (почти черного) в изломе. Приустьевая часть смоделирована из двух лент. На внешней поверхности сосуда фиксируются четкие оттиски плетеной сетки. Толщина стенок – 0,4 см. Венчик приостренный, внутренне асимметричной формы, утолщен (0,7–0,8 см). По срезу и внешнему краю декорирован узкими гладкими наколами. С внешней стороны в зоне венчика нанесена горизонтальная прочерченная линия, поверх которой расположен ряд округлых отверстий. Ниже размещаются три горизонтальных ряда оттисков овального гладкого штампа, поставленного вертикально. На остальной поверхности сосуда орнамент отсутствует.

Второй, более крупный сосуд морфологически идентичен предыдущему (рис. 2, 2). Общая высота его не установлена, высота реконструированного фрагмента составляет 8,3 см, диаметр сосуда – около 25 см. Черепок плотный, тонкий, с включением дресвы и песка. Характер окраски поверхности пятнистый, серо-коричневого и красно-коричневого оттенка, в изломе – темно-серого. Толщина стенок – 0,4–0,6 см, толщина венчика – 0,9–1,1 см. Главным отличием от предыдущего сосуда является характер композиции орнамента в верхней части, состоящего из двух (а не трех) горизонтальных рядов оттисков овального штампа.

Стоянка Отико I находится на верхней (южной) оконечности одноименного острова на р. Ангаре в Усть-Илимском р-не Иркутской области (см. рис. 1). Раскопки объекта проведены в 2012 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В. А. Долганова. В керамической коллекции из раскопок Отико I мы выделили два сосуда, зафиксированных в слое 2, которые уверенно можно отнести к аплинскому типу.

Первый экземпляр простой закрытой формы морфологически очень близок сосудам стоянки им. Генералова (рис. 3, 1). Высота реконструированного фрагмента – 7,6 см, диаметр по венчику – около 30 см, толщина стенок – 0,5–0,6 см. Черепок плотный, тонкий, с примесью мелкой дресвы и песка. Окраска аналогична таковой на предыдущем образце. В профиле читается характерное расслоение черепка, указывающее на формирование приустьевой части из двух лент. На внешней поверхности фиксируются оттиски сетки. Венчик приостренный, симметричной формы, слегка утолщен (0,7–0,8 см),

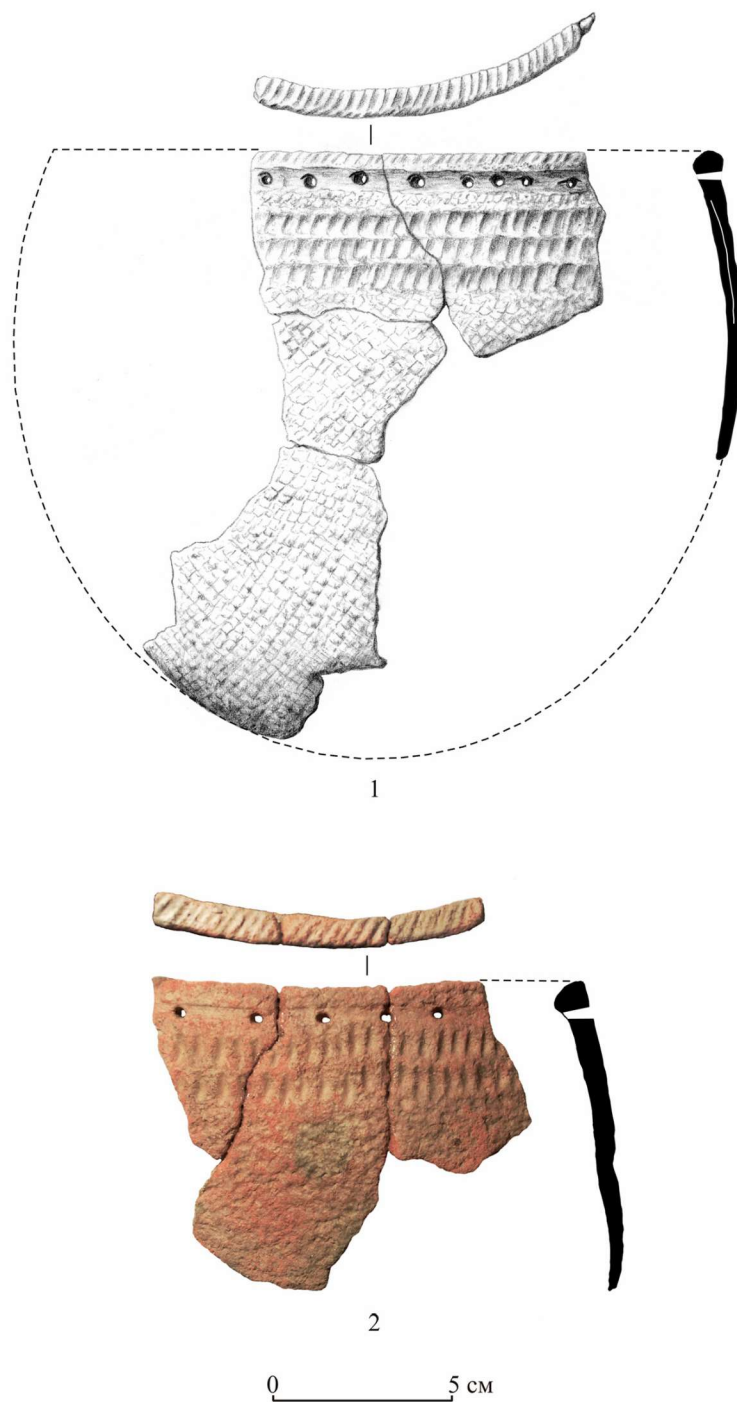

Рис. 2. Аплинская керамика из раскопок стоянки им. Генералова

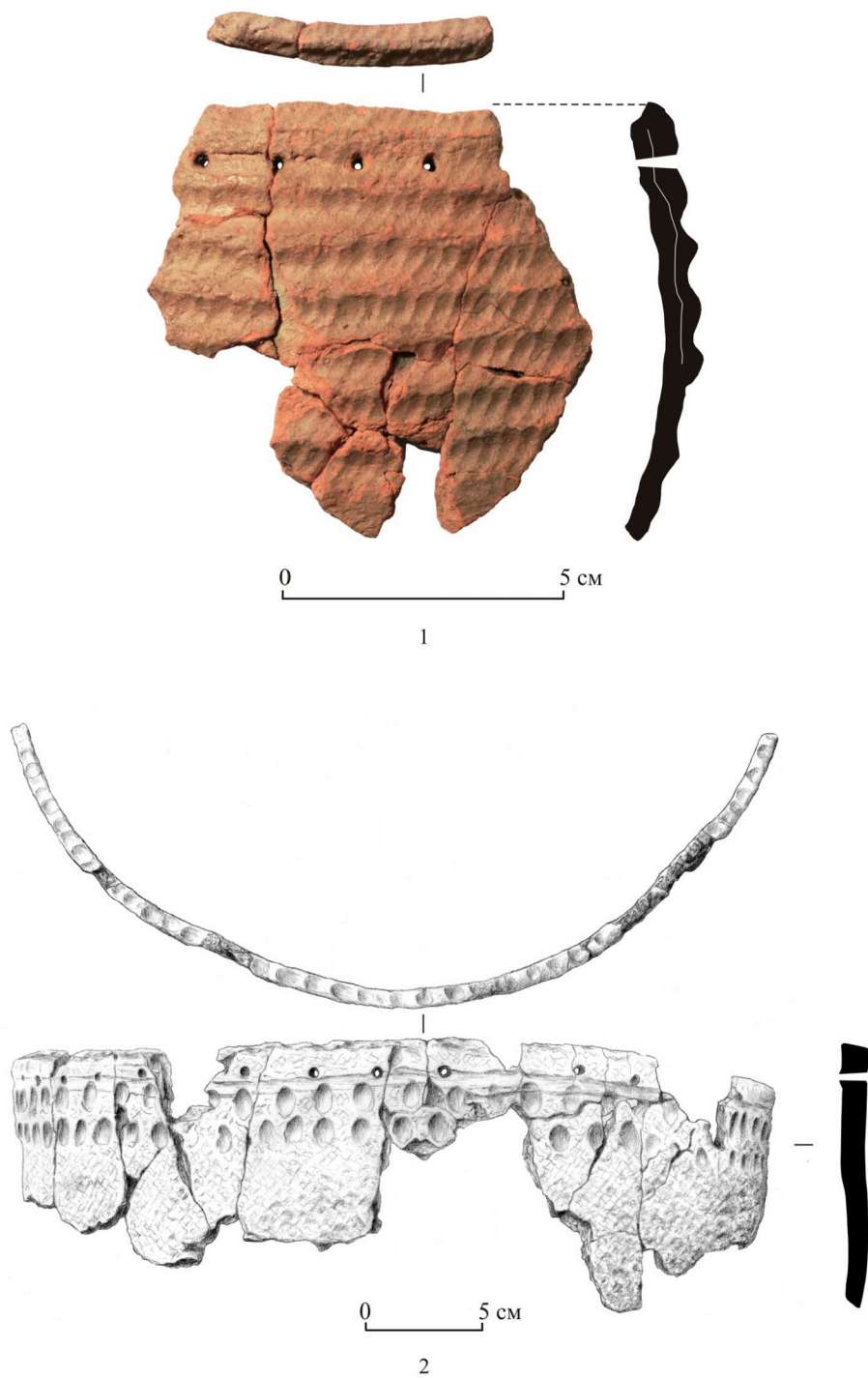

Рис. 3. Аплинская керамика из раскопок местонахождения Отико I

с двух сторон декорирован гладким штампом со слегка изогнутым рабочим краем. Аналогичным инструментом орнаментировано тулово сосуда. Композиция представлена сочетанием семи горизонтальных рядов вертикально поставленных (с небольшим наклоном) оттисков. Под венчиком размещен горизонтальный ряд округлых отверстий.

Второй, крупный сосуд простой закрытой формы, представлен фрагментами венчика и тулова – всего 201 (рис. 3, 2). Максимальная высота реконструированной части – 9,5 см, диаметр сосуда – около 35–40 см, толщина стенок – 0,6–0,7 см. Черепок плотный, с включением дресвы и песка, цвет поверхности и излома ровный, насыщенный, темного серо-коричневого оттенка. Приустьевая часть, где фиксируется множество вертикальных трещин, сформирована из двух послойно наложенных лент. На внешней поверхности читаются четкие следы плетеной сетки. Венчик прямой формы, с небольшим уклоном к внешней поверхности, утолщен (0,9–1,0 см). По срезу декорирован оттисками гладкого овального штампа. С внешней стороны в зоне венчика нанесена широкая горизонтальная прочерченная линия и ряд округлых отверстий. Под ними расположены два горизонтальных ряда вертикально поставленных оттисков овального штампа.

Охарактеризованные сосуды объединяет не только сходство в форме, декорировании и оформлении венчика, но и ряд признаков единой формовочной техники. В изломе устьевой части фиксируются две послойно наложенные ленты, однако относительно направления формовки выводы делать пока преждевременно. На использование выбивки в процессе формовки указывает характер спая сильно деформированных устьевых лент, читаемый в профиле по течению глиняной массы, а также незначительная толщина и высокая плотность черепка, жесткая упаковка пор и их щелевидная форма. Учитывая форму сосудов, можно допустить мысль об использовании формы-основы при выбивании. Характер следов на внешней поверхности (непрерывные трасы нитей сетчатой основы, общий план рисунка) указывает на использование цельного фрагмента плетеной сетки в качестве прокладки, вследствие чего версию о выбивке сосуда колотушкой, обмотанной сеткой, как это отмечено по якутским материалам, нет смысла рассматривать.

Обсуждение

Ареал аплинской керамики пока ограничивается районом Северного Приангарья* (см. рис. 1). Большинство ее находок происходит из раскопок ныне почти полностью утраченных археологических объектов, расположенных в зоне наполняемого в настоящее время ложа Богучанского водохранилища. Среди опубликованных материалов нам известно всего два фрагмента аплинской керамики из раскопок археологических объектов Северного Приангарья – Пашино [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, табл. LXXII, 1] и Аплинский порог [Гурулев, Харченко, 2012, рис. 1, 2]. Перспективным районом для получения новых материалов с целью уточнения их возраста явля-

* По данным отчетной документации Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН.

ется участок по р. Ангаре ниже Богучанской ГЭС с притоками, главным из которых является р. Чуна (в нижнем течении – р. Тасеева), где также обнаружены аплинские сосуды.

Абсолютный возраст керамики аплинского типа, вследствие отсутствия ^{14}C -дат и незначительной в количественном отношении коллекции, определить на данный момент затруднительно. Находки на стоянке им. Генералова в отложениях позднеатлантического времени позволяют отнести ее к финальным этапам неолита. Предварительно наметим хронометрические рамки данного типа в интервале 5(5,5)–4 тыс. л. н.

В морфологическом аспекте аплинская керамика близка усть-бельскому типу. В пользу этого говорит простая овалоидная форма сосудов, использование выбивки при формовке (возможно, на шаблоне), формирование приустьевого части из двух лент, преимущественно приостренная форма венчика и декорирование его наколами, выполненными стеклом с широким рабочим краем. Существенным отличием является наличие отверстий в привенчиковой зоне, тогда как на сосудах усть-бельского типа в данной области располагаются округлые вдавления. Композиции орнамента, состоящие из линейных горизонтальных мотивов, занимают верхнюю часть сосуда и близки рисункам, характерным, в основном, для поздней усть-бельской керамики. Учитывая близкое сходство, даже предлагалось рассматривать аплинскую керамику как особую разновидность или подтип усть-бельской [Бердников, 2013, с. 217].

С другой стороны, в определенной степени отмечается близость аплинских и ранненеолитических сетчатых сосудов. Их объединяет не только наличие оттисков плетеной сетки на внешней поверхности. К родственным элементам техники декорирования относятся прочерчивание (линия в зоне венчика), использование овального гладкого штампа в качестве основного инструмента при нанесении орнамента и наличие горизонтального ряда отверстий в приустьевого части. У одного из описанных нами аплинских сосудов отмечена прямая форма венчика, украшенного оттисками аналогичного инструмента, что также является характерной чертой некоторых видов ранней сетки-плетенки, образцы которой обнаружены при раскопках стоянки им. Генералова.

Опираясь на изложенные факты, можно говорить о сложении в районе Северного Приангарья в позднем неолите своеобразной керамической традиции, уходящей корнями в начальные этапы неолитического периода. В данном случае мы, по всей видимости, имеем дело с формированием самостоятельного типа керамики на основе синтеза технологических и декоративных традиций местного населения, владеющих способом выбивки сосудов через плетеную сетку с одной стороны, и инокультурных групп (в первую очередь усть-бельской культурной общности), заселивших юг Средней Сибири около 6,5–6 тыс. л. н., – с другой.

Заключение

Анализ и систематизация сетчатой керамики из опубликованных источников в совокупности с новыми материалами, полученными в последние годы, позволяют четче обозначить старые и наметить новые аспекты проблема-

тики в изучении древнего сибирского гончарства, найти адекватные виды их решения. На современном этапе следует полностью отказаться от исследовательских анахронизмов, доставшихся нам в наследство от традиционного эмоционально-описательного подхода, который широко применялся в археологии в рамках первоначальной интерпретации. Отдельные технологические приемы, такие как определенная форма рабочего инструмента и различные виды технического декора – выбивка колотушкой со шнуром, ребристой лопаткой или через плетеную сетку, не могут выступать в качестве типологического критерия, если рассматривается вне комплекса признаков. В соответствии с последними данными техника выбивки сосудов через сетку в неолите была знакома большей части населения юга Средней Сибири, в среде которого изготовлялась морфологически разнообразная керамика.

Назрела потребность признания, что такое расплывчатое понятие, как «сетчатый керамический пласт», используемое нами ранее для определения комплексов керамики с оттисками плетеной сетки, сыграв отведенную ему роль, себя изжило и, принимая во внимание значительно увеличившуюся информационную базу, уже несообразно современным научным представлениям о динамике древних технологий в регионе. Напротив, такой упрощенно обобщающий подход ограничивает возможности исследовательского процесса, препятствует возникновению свежих идей, развитию современных интерпретационных моделей. Вследствие чего наше предложение об окончательном отказе от использования терминологического казуса «сетчатый керамический пласт» выглядит необходимой и своевременной мерой.

Настоящее исследование можно рассматривать как своего рода посыл, а по существу – как начальный этап неизбежного процесса типологической дифференциации довольно «пестрого» конгломерата сетчатой керамики юга Средней Сибири, актуальность которого на сегодняшний день очевидна. Выделение самостоятельного аплинского типа, датируемого предварительно поздним неолитом, позволит систематизировать материалы, полученные в процессе археологического исследования зоны затопления Богучанской ГЭС, а в дальнейшем – уточнить область распространения, датировку и обозначить нишу этой своеобразной сетчатой керамики в рамках неолитических культур региона. Для раскрытия технических аспектов, детальной реконструкции техники формовки, моделирования и декорирования сосудов необходим комплексный анализ полученных из раскопок памятников Северного Приангарья материалов с последующей обязательной публикацией результатов.

Список литературы

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст / В. И. Базалийский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) / И. М. Бердников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики / Н. Бортвин // Зап. ИРАО. – Петроград, 1915. – Т. 11. – С. 173–195.

Васильевский Р. С. Археологические памятники Северного Приангарья / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Н. Н. Дроздов. – Новосибирск : Наука, 1988. – 226 с.

Воробьев С. А. Сьалахская керамика Якутии (к вопросу о способах конструирования сосудов) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск, 2003. – С. 57–63.

Витковский Н. И. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. / Н. И. Витковский // Изв. ВСОРГО. – 1882. – Т. 13, № 1–2. – С. 1–36.

Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Герман П. В. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск, 2012. – С. 78–85. – (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры ; вып. 1).

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник / И. Г. Глушков. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996б. – 328 с.

Гурулев Д. А. Опыт статистической обработки керамических комплексов Северного Приангарья (по материалам стоянки Аплинский порог) / Д. А. Гурулев, Ю. А. Харченко // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы : материалы докл. ЛП регион. (VIII Всерос. с междунар. участ.) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, Новосибирск, 31 марта – 6 апр. 2012 г. – Новосибирск, 2012. – С. 85–87.

Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон) / А. К. Конопацкий. – Новосибирск : Наука, 1982. – 176 с.

Многослойный геoarхеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) / Н. А. Савельев и др. // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : материалы докл. Междунар. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России, Иркутск, 1–9 авг. 2001 г. – Новосибирск, 2001. – С. 338–352.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА ; № 18).

Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды) / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1975. – 319 с.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада / Б. Э. Петри // Сб. МАЭ АН. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132.

Петри Б. Э. Сибирский неолит / Б. Э. Петри. – Иркутск : Власть Труда, 1926. – 40 с.

Ранний неолит Приольхонья: по материалам VI культурных слоев геoarхеологического объекта Саган-Заба II / О. И. Горюнова, В. А. Долганов, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск, 2012. – С. 86–93. – (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры ; вып. 1).

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савельев Н. А. Раскопки многослойной стоянки Горельий Лес (предварительное сообщение) / Н. А. Савельев, О. И. Горюнова, А. Г. Генералов // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199.

Хлобыстин Л. П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Хлобыстин. – Л., 1964. – 18 с.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири / Л. П. Хлобыстин // КСИА. – 1978. – № 153. – С. 93–99.

The Aplin Type of Net-impressed Pottery

I. M. Berdnikov, D. N. Lokhov

Abstract. In this article we consider the typology of the net-impressed pottery in the south of the Middle Siberia, we discuss the problems of identifying of the Kitoi vessels. In the conglomerate of net-impressed pottery of the early Neolithic period stands out at least two types, the array of the late Neolithic period – Isakovo type. We have identified another – Aplin type. We characterise and analyze four Aplin vessels with impressions of the woven mesh on the outer surface and decorated by the oval stamp on the top from the excavation of the Generalov locations (Chuna river) and Otiko I (Angara river). The characterized vessels are united not only by the similarity of morphological characters, but also by the features of the universal molding method, indicating the use of the manufacturing technology over the net. It is necessary to clarify the direction of the molding of the vessels. The location of the Aplin pottery is limited by the area of the Northern Angara region. Given its similarity to the net-impressed pottery of the early Neolithic period and the Ust-Belaya pottery, we can talk about the formation of an independent type based on a synthesis of technological and decorative traditions of the local population and the foreign cultural groups. Preliminarily the chronometric scope of this type is determined in the interval 5000(5500)–4000 BP.

Key words: Middle Siberia, Northern Angara region, Neolithic, net-impressed pottery, Aplin type, molding technology, decoration technology.

Бердников Иван Михайлович

кандидат исторических наук
научный сотрудник, филиал Института археологии и этнографии СО РАН «Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии»; младший научный сотрудник, Иркутский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, yan-maiski@yandex.ru

Лохов Дмитрий Николаевич

младший научный сотрудник, Иркутский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, bisaagan@yandex.ru

Berdnikov Ivan Mikhailovich

Ph. D. in History
Researcher, Branch of the Institute of Archaeology and Ethnography «Irkutsk Laboratory of Archaeology and Paleocology», SB RAS; Junior Researcher, Irkutsk State University 1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003, yan-maiski@yandex.ru

Lokhov Dmitriy Nikolaevich

Junior Researcher, Irkutsk State University, 1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003, bisaagan@yandex.ru